

Лотман Ю.М.

Из комментария к поэме «Мцыри»

Сюжетные и текстуальные совпадения в подлинно художественных произведениях редко говорят о так называемых заимствованиях. Чаще речь может идти о полемике, отталкиваниях, противопоставлении известному литературному образцу своего, оригинального решения. Если сравнение не производится механически, то оно еще резче подчеркивает оригинальность художественного решения автора. Именно к таким выводам приводят сопоставления при анализе знаменитой сцены боя Мцыри с барсом. В исследовательской литературе приводились интересные сравнения этого эпизода с мотивами поэмы Шота Руставели и грузинского фольклора. Комментатор этой сцены должен учитывать и другой материал: интересные наблюдения можно сделать, сопоставив битву Мцыри и барса с боем между Ганом Исландцем и волком в романе Виктора Гюго.

В «Гане Исландце» читаем:

«Они упали оба, и рев человека слился с рычанием зверя <...> Из двух противников именно дикий зверь, а не человек был тот, чьи кости раздроблялись острыми зубами, чье мясо раздиралось пылающими когтями, а тот, чье рычание превосходило противника дикостью и свирепостью, — был именно человек, а не зверь».

У Лермонтова:

И мы...
...упали разом...
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик...

...

Смерть волка у Гюго:

«Его огненные глаза погасли и полузакрылись».

Смерть барса у Лермонтова:

Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном...

Близость сюжетной ситуации вместе с тем раскрывает столь глубокое отличие авторской позиции, что можно говорить о сознательной полемике. У Гюго бой героя и зверя должен подчеркнуть романтическую идею исконно злой, звериной природы Гана. Ган — воплощение зла и бесчеловечия. И в природе, как и в обществе, есть исконное зло и исконное добро. Ган более зверь, чем волк: убив врага, он пьет его кровь, а над телом волка говорит: «Жаль, ты больше не будешь пожирать людей». Мысль Лермонтова прямо противоположна: природа человечна — бесчеловечно общество. Деревья — «как братья в пляске круговой», скалы полны любви «и жаждут встречи каждый миг». Антропоморфные образы — признак принадлежности к положительному миру — распространены и на барса: «Он застонал, как человек», «встретил смерть лицом к лицу, как в битве следует бойцу». Мир природы — мир «воли», общество — «тюрьма». Природа дает Мцыри свободу, счастье любви (грузинка) и счастье борьбы с честным и смелым противником.

Чувство братства, которое испытывает герой к природе, распространяется и на барса («обнявшись крепче двух друзей»). Барс, давший Мцыри познать радость честной битвы, милосерднее к герою и человечнее, чем ласковые тюремщики-монахи. Сцена боя у Гюго утверждает звериную природу героя — у Лермонтова его человечность, полноту жизненных сил.

В сцене боя с барсом есть отзвук и совсем другого чтения — поэмы Пушкина «Тазит» (опубликована Жуковским в 1837 году под названием «Галуб»).

У Лермонтова:

Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие...

У Пушкина:

Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул...

Поэма «Тазит» привлекала внимание Лермонтова реализмом изображения жизни горцев. Не случайно Лермонтов вспомнил ее, работая над «Валериком». И вместе с тем для понимания замысла Лермонтова интересно именно *различие* в позиции Пушкина и Лермонтова. В поэме Пушкина процитированные строки произносит отец — носитель первобытного, воинственного и примитивного сознания. Но Тазиту, приобщенному к более высокой культуре, чужда примитивная свобода горского быта. Он приобрел черты более высокого сознания — гуманность, уважение к другому человеку. За пушкинским текстом стоит вера в освободительную роль цивилизации. В поэме Лермонтова цивилизация приравнена миру «тюрьмы», а положительные идеалы — природе. И не случайно Лермонтов вложил слова «дикого» Галуба в уста «авторского» героя — Мцыри.